Мы продолжаем публикацию глав из книги «Мой темнокожий брат» в авторском переводе. В центре повествования — история семьи Ильиных. Глава семьи, русский писатель Николай Ильин, разочаровавшись в толстовстве, вынужден был бежать из России в начале 1890-х годов. За ним последовали жена и дети — Леандро, Ромелио и Ариадна. Долгие годы они прожили на ферме в Патагонии, но, привлеченные славой демократических реформ в Австралии, в 1910-м году перебрались сюда, поселившись в северном Квинсленде среди джунглей на плато Атертон. Вскоре вокруг их ферм выросла небольшая русская колония, названная старожилами «Маленькая Сибирь». Леандро, старший сын Николая, в 1915-м году женился на Китти, аборигенке местного племени нгаджон, победив в драматической борьбе с властями, проводившими политику жестокой расовой сегрегации. К 1918 году, с которого начинается повествование в этой главе, у Леандро и Китти было трое детей, но Леандро заботился и о старших детях Китти от первого брака. Текст предыдущих глав можно посмотреть на сайте автора http://elena.id.au

ЕЛЕНА ГОВОР

МОЙ ТЕМНОКОЖИЙ БРАТ

Сын и отец

«ЗА ПРИНЦИПЫ ЛЮДИ ОТДАЮТ СВОЮ ЖИЗНЬ»

После циклона Ильиным пришлось принимать решения, связанные с моральным выбором. Для Китти, Николая и Леандро они стали поворотными моментами в жизни.

Китти первой пришлось сделать выбор. Речь шла о здоровье Леандро. Он не сдался после циклона — восстановил их разрушенный дом, вместе с соседями расчищал заваленные дороги, помогал отцу. В письме секретарю Земельного департамента он писал: «Вследствие циклона 10 марта 1918 г. мы испытали разрушения, потребовавшие значительных непредвиденных расходов на ремонт. [...] Мы только недавно завели стадо молочных коров и должны производить крупные выплаты за покупку скота». Он просил об отсрочке платежей, но чиновники в Брисбене молчали. Чтобы заработать деньги, Леандро пришлось продолжать свою тяжёлую работу по доставке сливок с участков окрестных фермеров на маслозавод. Флора рассказывает:

— У нас в горах было холодно, земли было расчищено ещё немного, кругом были густые заросли, и часто шли дожди, и не было им конца. Он всё время промокал, и это было плохо для него, а бидоны со сливками приходилось возить. Кончилось тем, что он заболел, он кашлял и кашлял. И тогда врач ему сказал, что ему больше нельзя оставаться в этом сыром климате, а надо переехать в более сухое место.

Но Леандро не мог просто уехать, ему нужно было выплатить банковский взнос. В день, когда он, наконец, заработал нужную сумму и отослал перевод, он получил письмо из Земельного департамента с разрешением отсрочки платежа. Он с горечью написал чиновникам: «Я долго ждал разрешения на эту отсрочку и, не зная, получу ли я её, я с огромными трудностями собрал деньги для платежа. [...] Простите за мой совет, но мелким фермерам было бы необходимо получать такие разрешения

на отсрочку задолго до дня платежа, чтобы мы знали, что делать»[1].

Теперь он мог подумать о здоровье. Ближайшим местом с сухим климатом был район Маунт Гарнет. От их фермы в Бутчерс крик до этих мест было всего 160 километров. Но это было очень далеко для Китти. Ей предстояло сделать выбор между любовью к Леандро и любовью к её земле. Это было даже больше, чем просто любовь к родной земле, как её понимали европейцы. Для неё материальная и духовная сущность её земли были слиты воедино. И Китти, и её дети, и все люди её племени были неотделимой частью этого единства. Им не нужны были сложные философские объяснения этого единства, они просто знали, что ни их земля, ни они сами не могут существовать друг без друга. Но теперь, когда шла речь о здоровье Леандро, она решилась ехать с ним. Она уже знала, что, наряду с законом аборигенов, по которому жили её люди, есть закон, который принёс Леандро и его семья — закон любви и сострадания. И она выбрала этот новый закон, как ни трудно было ей покинуть свои родные места.

Одно из самых первых воспоминаний Флоры — её мама Китти плачет в их хижине в Спринг Галли, около Маунт Гарнет. И маленькая Флора уже тогда знала, в чём дело: «Моя бабушка Эмили была чёрным какаду, и когда моя мама слышала крики чёрных какаду, она всё бросала, сидела и плакала. Мама была так далеко от своих, и она не могла туда попасть. Она тосковала и по своей матери, и по своей земле». Для Китти чёрный какаду был не просто напоминанием, это была персонификация её матери, дух её далёкой земли. Чёрный какаду, тотем, который является предметом сложных антропологических теорий, для людей Китти был частью их жизни, частью их души.

... Как-то в Таунсвилле, в гостях у Харри, мы заговорили о тотемах и связи детей Китти с аборигенской культурой их племени. Харри был младшим сыном Китти и сидел за столом в окружении большой семьи. Дверь дома была открыта в тихий тёплый вечер, однако внуки и правнуки Харри и мой 4-летний сын Ральфи время от времени поднимали шум, и, в конце концов, мы отослали их во двор. Но и теперь их современные голоса иногда вторгались в записи на неспешно крутившейся ленте магнитофона.

Флора и Харри бóльшую часть жизни прожили в мире, который приучил их не ценить свое аборигенское происхождение и даже скрывать его. Но, видя мой интерес и то внимание, с которым

Интервью автора (слева) с Харри, Флорой и Эрни. 1996 г.

слушали наш разговор их дети, они решились раскрыть то потаённое, что связывало их с аборигенской культурой, то, о чём они раньше никогда не говорили. Вот отрывок из записей этого вечера:

Флора: Я не помню, какой тотем был у моей мамы, но я помню тотем моей бабушки, она была чёрным какаду.

Харри: Я тоже чёрный какаду, ты знала об этом?

Флора: Нет, я не знала.

Харри: А имя Дика было Пирай, его звали Пирай. Что бы это слово значило? Мне кажется, он был попугаем.

Флора: У меня тоже есть аборигенское имя, я его знаю.

Фэй, дочь Харри: Что же это за имя, тётушка Флора?

Флора: Биранг.

Фэй: А что оно значит?

Флора: Я не знаю.

Харри: Я не знаю моего аборигенского имени, знаю только, что я чёрный какаду. Это мне моя бабушка Эмили сказала, что я принадлежу к чёрным какаду.

Флора: Я не думаю, что они дали Харри имя, потому что, когда он родился, мы уже жили вдали от плато Атертон[2].

Слушая их разговор, я почувствовала, что их аборигенские имена были больше, чем имена в нашем понимании этого слова; это были незримые нити, соединяющие их с землёй их предков. Немногочисленные свидетельства, сохранившиеся о прошлом племени нгаджон, к которому принадлежала Китти, подтверждают это. Их миропонимание отличалось сложными представлениями о связи людей их племени со своей землёй, вернее, о принадлежности их этой земле. Нгаджон-джи верили, что их землю населяют духи, возникшие во времена их мифических предков. Духи эти обитали в особых

[1] QSA: LAN/DF, 89, Atherton 1545, 1546; записи интервью 2A456, 5B432 — *здесь и далее архив автора*.

[2] Записи интервью 2A098, 2A122, 5B468.

местах, обычно около воды, и когда женщина проходила через такое место, дух мог войти в её тело и превратиться в ребёнка. Дух мог войти и в тело мужчины. В этом случае он передавал его своей жене во время полового сношения или другим путём, например, через еду. Чтобы узнать, где именно обитал дух, вошедший в тело родителей, во время рождения ребенка кто-либо выкрикивал названия различных мест на территории их племени. Место, название которого прозвучало в тот момент, когда обрезали пуповину ребенка, и оказывалось территорией духа, вошедшего в ребенка, а теперь становилось и землёй самого ребенка. Отец давал новорождённому имя тотема или этого места и «клал это имя под скалу или в пещеру на земле ребенка»[3].

Для белых тот факт, что аборигены не связывали зачатие ребенка с половым актом, служил свидетельством примитивности их мышления. В действительности же, здесь перед нами просто две различных системы миропонимания. Европейцы рассматривают зачатие ребенка как чисто физиологический акт, в котором участвуют только его родители, в то время как для нгаджон-джи это, прежде всего, духовный акт, в котором физиологические процессы являются лишь дополнительным действием; главным для нгаджон-джи была постоянная духовная связь между людьми и их предками, людьми и их землёй. Это была сложная философия, а отнюдь не невежество.

Во время поездки на плато Атертон, на землю Китти, где и ныне живут её потомки, мы снова говорили об аборигенских именах. Гленда и Вера, дочери Дика, старшего сына Леандро и Китти, рассказали нам, что они слышали от старейшин, что их отца звали Нупи или Напай и что это слово, вероятно, значит поссум, а имя его брата Тома было Пинка. Дочь Тома, Хейзел, слышала, что его звали Путчети, так называют маленькую юркую ящерицу с круглой головой. Подлинное имя Эмили, их бабушки, вернулось к её правнукам благодаря архивному документу: в её досье в документах Департамента защиты аборигенов, оно было записано как Даругсо[4]. И хотя сейчас значение этих имён почти забыто, они остаются для потомков Китти путеводной нитью в их прошлое.

Харри родился в апреле 1919 года, на берегах Дж. У. Свомп (G. W. Swamp) — вдали от родных мест Китти. Согласно закону аборигенов, у него не могло быть связи с духами земли нгаджон, но всё-таки Китти верила, что в него вошёл дух чёрного какаду — смелой, сильной птицы, которая прилетела вслед за ними на новое место. Это была её попытка примирить традиционный закон аборигенов с законом любви и сострадания Леандро и его людей.

Леандро назвал их третьего сына Генри Октавиан, продолжая их давнюю семейную игру с именами. Генри, а вернее Харри, был вызовом традиции, созданной Николаем, который выбрал для своих сыновей замысловатые имена — Леандро, Картерий и Ромелий. Теперь, в противопоставление трио, созданному Николаем, новорожденный Харри должен был завершить трио, создающееся Леандро — Том, Дик и Харри. В английском обиходе это словосочетание обозначает простых людей, каждого встречного и поперечного, или что-то вроде русского «Иванов, Петров, Сидоров». Именно так Леандро назвал трёх своих сыновей. Но у этого Харри была и скрытая вторая натура — ведь второе его имя было Октавиан, в честь прославленного римского императора, который объединил под своей властью обширную территорию — от Сирии и Египта до Испании и Атлантики.

Генри Октавиан Иллин родился на окраине другой империи, империи Аткинсонов. Место, называвшееся Дж. У. Свомп, было отдалённым пастбищем их станции Ганнаварра (Gunnawarra). Здесь надо пояснить, что станция — это австралийское слово, обозначающее большую скотоводческую земельную собственность, нечто вроде американского ранчо. Скот бродил по высыхающему болоту, пощипывая скудную траву. В задачи Леандро, отныне пастуха Аткинсонов, входило наливать воду в поилки для коров. Механизации, даже ветряка для выкачивания воды из-под земли, не было и в помине, и всё приходилось делать вручную, изо дня в день. Его семья теперь жила тут же, недалеко от поилки, в хижине из горбыля, покрытой крышей из гофрированного железа — типичном жилище австралийской глубинки. Они были там в полном одиночестве, кругом на много миль тянулось редколесье из невысоких эвкалиптов. Лунными ночами тёмные тени динго мелькали позади причудливых пиков термитников. Они приходили стаями и устраивали ночные концерты. Испуганные дети жались к Китти, и Леандро выходил в ночь с ружьём, чтобы выстрелами разогнать воющую стаю. Воистину, ничто в их жизни не вызывало ассоциаций с образом жизни могущественного римского императора. Но, как знать, может быть, скрытая суть вещей открывается родителям, когда, склонившись над новорождённым ребенком, они выбирают ему имя. Прошли годы, и именно Харри выпала честь принять титул

[3] R. L. Sharp, «Tribes and totemism in north-east Australia», *Oceania*, vol.9, no. 4, 1939, p. 445–46, 448; E. Mjöberg, *Amongst Stone Age People in the Queensland Wilderness*, пер. со швед. S. M. Fryer (рукопись в AIATSIS, Канберра), p. 155, 162–63. W. Roth, «Superstition, Magic, and Medicine», *North Queensland Ethnography Bulletin*, no. 5, 1903, p. 22–23.

[4] Записи интервью 3B075; интервью с Мод Хулихэн, 29.09.1996.

«короля» племени нгаджон. Вот как он об этом рассказывал:

— Король Барри Кларк, он был моим прадедом, потом королём стал его сын Вилли Кларк. Моя мама была его единственным ребёнком, и когда он умер, этот титул должны были передать моему старшему брату Джорджу, он должен был стать королём племени нгаджон. Но когда мы покинули плато Атертон, этого не успели сделать. Титул должен был пойти Джорджу, от него — Дику, от Дика Тому, а от Тома мне. Из всех них теперь остался только я один. Я не знаю, чем всё это кончится, об этом до сих пор идут разговоры, и, может быть, они даже обратятся в правительство и назначат мне быть королём этого племени. Что из всего этого получится, я не знаю, да в общем-то меня это особо и не волнует[5].

Строго говоря, с точки зрения традиционных законов аборигенов, у нгаджон, как и у других племён аборигенов, не было института наследственных вождей-королей. Однако, если относиться к обществу аборигенов не как к застывшему осколку прошлого, а как к живой, постоянно обновляющейся реальности, мнение Харри вполне правомерно.

Через месяц после нашей встречи, в августе 1996 года, Харри скоропостижно скончался. Ему было семьдесят семь лет; почти два тысячелетия назад, в том же возрасте семидесяти семи лет римский император Август Октавиан умер в Риме... Вот уж воистину: посеешь имя — пожнёшь судьбу.

Дж. У. Свомп, где родился Харри, было названо так экспедицией Людвига Лейхардта. Где-то в этих местах его экспедиция покинула район реки Бердекин (Burdekin) и повернула на северо-восток, в сторону залива Карпентария, вырезав, согласно преданиям семьи Аткинсонов, на дереве, растущем около болота, буквы G.W., обозначающие либо “Good water” (хорошая вода), либо “Gilbert’s water-hole” (источник Гилберта). Местные аборигены из племени уарангу называли это болото Миннэмулка (место многочисленных птиц), и Аткинсоны восстановили это название в 1950-х годах[6].

Ильины оказались здесь по воле случая. В августе 1918 года Леандро нашёл покупателя на свою ферму в Бутчерс крике, но к этому времени его здоровье так пошатнулось, что он должен был покинуть ферму, не дожидаясь формального оформления документов. Они сразу отправились в Маунт Гарнет, где в сухом климате его здоровье быстро пошло на поправку. Здесь он подал заявку на участок земли для выпаса скота, но встреча с Томасом Аткинсоном, который предложил ему работу пастуха в Ганнаварре, внесла свои поправки. Леандро перебрался на главную усадьбу с семьёй, но работа требовала его долговременных отлучек, когда он с другими пастухами должен был объезжать стада на огромной территории, принадлежащей станции Аткинсонов. Китти, с шестью детьми и седьмым на подходе, трудно было подолгу оставаться одной, и, в конце концов, Леандро решил перебраться с семьёй ещё на 40 километров в глубь буша, на Дж. У. Свомп, где в его обязанности входило поить скот, чинить заборы и быть мастером на все руки. В официальном письме он охарактеризовал свою должность как «работающий управляющий» с оплатой «£2–0–0 в неделю и с полным обеспечением». Полное обеспечение состояло из хижины из горбыля и муки, чая и сахара, получаемых со склада в Ганнаварре. Отныне на многие годы Леандро стал частью нового для него мира — мира скотоводческих станций австралийской глубинки.

Джеймс Аткинсон (1824–1899), основатель династии австралийских Аткинсонов, приехал в Австралию из Ирландии в 1840-х годах. Его правнук Бим рассказывает, что Джеймс сначала поселился в Виктории, и однажды он прочитал в дневнике Лейхардта описание места, которое по-русски можно назвать Озерной долиной (Valley of Lagoons), и решил отправиться на север континента, на бескрайние пастбища в районе реки Бердекин. Вместе с семьёй Эрза Фирса он добрался до устья реки Бердекин, а оттуда они двинулись вдоль реки на северо-запад, став первыми поселенцами этих благодатных мест (первыми — это, конечно, если не принимать в расчёт аборигенов, которые жили тут уже много тысяч лет!). В 1862 году они дошли до Озерной долины, в верховьях Бердекина, но не зарегистрировали эту землю как свою собственность и в результате в дальнейшем потеряли право на её покупку. В последующие годы Джеймс Аткинсон со своими тремя сыновьями купили огромные участки земли в верховьях рек Херберт и Бердекин. К 1920-м годам их территория протянулась на 150 километров от Ганнаварры на севере до Гринвейл и Кэмел крик на юге, занимая около 13 тыс. кв. км., что почти равняется по территории Северной Ирландии. Ганнаварра, куда судьба привела Ильиных, занимала около 3 тыс. кв. км[7].

Томаса Аткинсона (1869–1930), владельца Ганневарре, местные аборигены всё ещё помнят как «строгого, но справедливого хозяина». Дельфия, его невестка, рассказывает, что «он был

[5] Записи интервью 1A295, 7A246.

[6] Интервью с Дельфией и Бимом Аткинсонами, 20.09.1997, записи интервью 15A011, 15A324.

[7] Интервью с Дельфией и Бимом Аткинсонами, записи 15A549, 15B004; «Mr. and Mrs. James Atkinson and family», *North Queensland Register*, 24.08.1930, p. 30; R. L. Atkinson, *Northern Pioneers*, Townsville, 1979, p. i–ii, 1–4.

Джеймс Аткинсон

замечательным наездником, и хотя они купили автомобиль в 1917 году, занималась им его жена, она же и водила его, поскольку машины его не интересовали. К нему все относились хорошо, его считали превосходным фермером и добрым соседом». Отношения между владельцем станции и наёмными рабочими на ней, в частности пастухами, отличались от тех, что царили в то время в России и были знакомы Леандро по рассказам его отца. В разговоре с Дельфией и Бимом Аткинсонами я спросила их об этом, и они не сразу нашли слова, чтобы объяснить мне, человеку другой культуры, особенность этих отношений. Бим это объяснил так: «Понимаете, они работали вместе. А работа пастуха была очень тяжёлой, вот к ним и относились с большим уважением» [8].

Как ни трудна была жизнь, Леандро ценил эти отношения. С интересом знакомился он и с отношением к аборигенам на станции. Само название её — Ганнаварра — переводилось как «маленький дом». Это было место ежегодных межплеменных встреч аборигенов для празднеств корроборри — здесь сходились территории нескольких соседних племён. Аткинсоны помнят, что корроборри проводились вплоть до 1920-х годов. «А потом нагрянула полиция, забрала их всех и выслала на Палм Айленд»,— рассказывают они. Отношения к местным аборигенам на станции были вполне патриархальные: их кормили, и они жили в окрестностях усадьбы, являясь частью этого «вместе работающего» мира. Главная усадьба станции, построенная в 1878 году, когда-то славилась ежегодными скачками, сопровождавшимися танцами для местных фермеров и корроборри аборигенов, всё здесь ещё хранит ауру «добрых старых дней» [9]. Семья Леандро, казалось бы, легко вписалась в этот пёстрый мир австралийской глубинки, но даже здесь Леандро чувствовал, что будущее его детей, как и всех местных аборигенов, зависит от счастливого случая — найдут они «строгого, но справедливого хозяина», как Томас Аткинсон, или нет.

Леандро всё ещё был в Ганнаварре, когда в сентябре 1918 года он получил письмо от отца, просившего его срочно приехать в Бутчерс крик. Дорога была неблизкая, но он решился поехать и хорошо сделал. Никогда ещё он не видел своего отца таким взволнованным. Детали о расстреле царя и его семьи большевиками только-только появились в квинслендских газетах, и Николай не мог молчать и попросил Леандро перевести его письмо в «Кэрнс Пост»:

«В жизни людей бывают такие моменты, когда негодование затмевает все остальные чувства в их душе. Именно это я и чувствую сейчас. [...] Я всегда был врагом монархии в том виде, как она существовала в России во времена Николая II и его предшественников. Я стоял горой за демократизацию страны и за свободу для народа. Я ненавидел привилегированные классы, которые губили и мучили цвет русского народа — людей, боровшихся за свободу и реформы. [...] Я был непримиримым врагом царизма, царя, но не лично Николая II. Это очевидно из моей книги стихов „Песни земли“» [10].

Кого из подписчиков «Кэрнс Пост» он пытался этим убедить, кто из них знал его русские «Песни земли» — кто, как ни он сам? И кто, кроме его собственной совести, мог упрекнуть его за то, что чуть ли не на каждой странице своей книги, написанной в годы правления Николая II, он обличал «злодея-царя», сгубившего «честных жизней миллион», предрекая, что для «венчанного палача» «перед

[8] Интервью с Джайлз Аткинсон, 13.09.1997; интервью с Дельфией и Бимом Аткинсонами, записи 15B082, 15B132.

[9] Записи интервью 15B240; Atkinson, *Northern Pioneers*, p. 124–27.

[10] N. Illin, «Correspondence. A Russian on Russia». *Cairns Post*, 4.10.1918, p. 2.

дворцом, среди площади» уже готовится «плаха» и взывая к своим читателям в былинном стиле:

Ты проснись, народ, вспомни старое,
Ты расправь, родной, свои плечики,
Ты спали с гнездом притеснителя,
Разбросай кругом черны головни,
А золу развей по чисту полю!

Теперь, когда его предсказание сбылось, Николай содрогнулся. Он ведь хотел совсем не этого. Когда он писал свои стихи в Корковадо, в Патагонии, он верил, что освобождённый народ воздвигнет «храм равенства и труда» под «звездой свободы»[11]. Но оказалось, что террор и «страх кровавый», необходимый, чтобы прогнать тирана, покатился по России как снежный ком, сминая всех и вся на своем пути. Русский народ сделал именно то, к чему он его призывал. Он гнал от себя эту мысль, но она возвращалась снова и снова. Невольно он выдал её присутствие в письме в газету. Детская вера в то, что если ты скажешь, что что-то не существует, то оно и исчезнет, как будто его никогда и не было. Не писал он этих строк, а если и писал, то не такой смысл в них вкладывал! Нет, он не мог покаяться и терпел поражение в нравственном поединке с самим собой. Всё, что он мог — это просто отмежеваться от того, что происходило в России: и чем дальше он писал, тем сильнее он убеждал себя, что он всего лишь призывал к подлинной демократии, а нынешние события — это не его вина, их принесли какие-то злодеи извне:

«Убийство царя, который отрёкся от трона и оставил политическую деятельность, [...] прекрасно демонстрирует, какая банда преступников и невежественных злодеев в настоящее время правит Россией. [...] Это дело еврейских политиков во главе с Троцким, которые забыли все интересы родной страны. Демократия, которая уважает и чтит своё доброе имя, должна отмежеваться от большевиков. Пусть грязное пятно убийц ляжет на них одних».

Надо сказать, что это было не первое выступление Николая против большевизма. Вскоре после октябрьского переворота он выступил с письмом-протестом, присовокупив к нему подписи нескольких окрестных русских фермеров, разделявших его взгляды; этот протест они направили российскому генеральному консулу в Австралии, Николаю Абазе. Выступал он и с критикой Брестского мира, заключенного Троцким, написав письмо в новую русскую газету «Знание и единение»[12]. Теперь выступление его в австралийской печати дало козырь в руки австралийских критиков России, но это его не смущало, и он продолжал свою газетную полемику.

В марте 1919 г. Леандро перевёл для «Кэрнс Пост» новую статью Николая, озаглавленную «Русский о большевизме». Николай писал о большевистских лидерах: «Их ничто не остановит, ни разрушение, ни горы трупов. Но могут ли они быть уверенными в том, что когда они достигнут своей цели, они сделают человечество счастливым?» и пророчески предрекал, что они «вынуждены будут разделить человечество на две группы — плохих и хороших. В первую группу они включат всех своих, а во вторую всех, несогласных с большевизмом. [...] Но что, если в первой группе большинство окажутся лицемерами, наглецами и, что ещё хуже, эгоистами и беспринципными шкурниками? Я полагаю, что в чьей бы группе эти люди ни оказались, они ухватятся за возможность управлять делами в стране. Будут ли интересы пролетариата их главной целью? Едва ли можно сомневаться в том, что среди пролетариата процент лиц с сомнительной моралью больше, чем среди буржуазии, поскольку, будучи более невежественны, они более подвержены животным инстинктам».[13]

Здесь Николай впервые признал, что народ, поклонение которому являлось краеугольным камнем философии русских революционеров-демократов, может иметь больше пороков, чем буржуазия, уважающая законы. Уж ни знакомство ли с Австралией и с такими её представителями, как династия Аткинсонов, привело его к этой переоценке ценностей? В любом случае, это было признание полной несостоятельности панегириков «народу», которыми были наполнены его «Песни земли», написанные в Аргентине.

Годы спустя, когда в газетной полемике Леандро обвинят в коммунистических симпатиях, он подведёт итог тяжёлых потерь, которые его семья испытала в результате революции: «Большевики уничтожили трёх моих тёток, двух кузин, двух племянниц, сестру, зятя и двух дядей». Но тогда, в 1919 году, мысль о его племянницах Вале и Тоне, оставшихся в Саратове, и о том, что им там приходится испытывать под властью большевиков, жгла его сердце. В приписке к статье отца он тоже бросил открытый вызов местным сторонникам большевиков: «Вы, пьяные большевики в этой стране, с брюхом полным пива, думали ли вы когда-либо о таких страданиях? [...] Да поможет вам, так называемым большевикам, Бог, когда вы сами вкусите той власти, за которую стоите». Но он не был бы самим собой, если бы не добавил постскриптум: «Я написал

[11] Н. Ильин, *Песни земли*, Париж, 1910, с. 35, 36, 43, 61, 65, 89.

[12] Дж. Токарев — А. Зузенко, NAA: A6286, 1/76 (QF2277).

[13] L. Illin [N. Illin], «Correspondence. A Russian on Bolshevism», *Cairns Post*, 3.03.1919, p 7.

Одна из демонстраций в Брисбене с участием русских *(из архива Ксении Зузенко)*

„пьяные большевики" потому, что именно в таком состоянии я их всегда тут и встречал. Но это, конечно, может быть и простым совпадением»[14].

Подозрительность и ненависть к русским вокруг них продолжали расти. Кульминацией её стали так называемые Бунты красного флага, которые охватили Брисбен 23 марта 1919 г. В этот день несколько сот русских, вместе с австралийскими радикалами, прошли по центру города под запрещёнными красными флагами, требуя репатриации русских на родину, отмены Закона о военных мерах предосторожности и прекращения интервенции иностранных государств в Россию. Надо сказать, что к этому времени тысячи русских, остававшихся в Австралии, оказались в отчаянном положении: им отказывали в натурализации и не принимали на работу, в то же время австралийские власти запретили выезд русских из Австралии в Россию, опасаясь, что они примкнут там к большевикам. В ответ на демонстрацию русских под красными флагами, лоялистские силы в Брисбене, преимущественно вернувшиеся с войны солдаты, на следующий день учинили погром в центре русской колонии в южной части Брисбена, на улице Меривейл, где располагалась Русская ассоциация (Союз российских рабочих). За этими событиями последовали аресты, тюремное заключение и депортация лидеров демонстрации.

Но русские испытали не только это. Теперь общественное мнение Австралии поставило местную русскую общину и организаторов большевистского переворота в России на одну доску. «Русский», а надо сказать, что русскими в Австралии называли всех выходцев из Российской империи, вне зависимости от их этнического происхождения, в сознании австралийцев теперь однозначно равнялось «большевику». «Многие говорят мне, что я не русский, а большевик»,— писал Леандро в газету. Началось массовое ущемление прав русских — увольнение с работы, бойкот их предприятий, избиения и унижения. Австралийцы выступали на страницах печати с такими предложениями: «Немедленное интернирование всех русских, [...] как натурализовавшихся, так и не натурализовавшихся, которые прожили в Австралии менее 6 лет. [...] Лишение русских, проживших в Австралии менее 10 лет, всех прав и т. п.»[15] Так семья Ильиных и их русские соседи, пионеры «Маленькой Сибири» на плато Атертон, неожиданно стали чужаками на земле, в освоение которой они вложили столько сил и любви.

В то же время пропасть между Ильиными и русской общиной в Австралии, в большинстве своем симпатизировавшей революции, продолжала расти. А ведь когда-то стихи и очерки Николая печатались на страницах «Эха Австралии», и он, писатель, поэт и бывший толстовец, пользовался высоким моральным авторитетом у местных россиян. Именно в таком образе появляется Николай Ильин в романе Константина Паустовского «Блистающие облака». Революционер Александр Зузенко, выведенный в романе под именем капитана Кравченко, создал легко узнаваемый образ Николая Ильина в своём рассказе о табаке:

«Вот, например, я курю. Как вы думаете, на какое расстояние распространяется дым табака? На две сажени? А я вам говорю — на десять вёрст. Я вам докажу! Я жил в Австралии, в Брисбене. А на севере Австралии, где ещё не вымерли дикари, жил русский врач, старик. Мы, австралийцы, прозвали его Львом Толстым. Он был нашим советчиком. У него был в лесу участок земли, он с сыновьями обрабатывал его и жил фермерством. Кругом леса: не леса, а стены — не продерёшься. От моря к усадьбе была прорублена дорога, так, в сажень, не шире, чтобы проехать повозке. На берегу, у начала дороги, стоял шест и трепался флаг, потерявший всяческий цвет. Погодите,— это как раз история о табачном дыме, слушайте дальше. Да, так вот... Я поехал к этому врачу, были дела от русской колонии. Меня высадил на берег почтовый пароход, и я пошёл по дороге через лес. Я шёл и, заметьте, курил трубку. Табак был чёрный, он называется „би-би". Курят его матросы, у сухопутных от него моментально начинается астма. И вот в версте от фермы меня встречает врач; он вышел ко мне навстречу. Я смотрю на него, как бык в зеркало: я ничего ему не писал, по дороге меня никто не видел. Там на десятки вёрст, кроме

[14] L. Illin, «Correspondence», *Herbert River Express*, 17.08.1940; L. Illin [N. Illin], «Correspondence. A Russian on Bolshevism», *Cairns Post*, 3.03.1919 p. 7.

[15] H. R. Gelston, «Bolshevism and Disloyalty», *Cairns Post*, 15.04.1919.

птиц, никого не встретите. Оказывается, к врачу прибежал туземец и сказал ему: „К тебе идёт белый моряк, он высадился с парохода и прошёл уже половину дороги“.— „Я никого не видел“,— сказал я врачу.— „Дело в том, что и туземец вас не видел: он живёт в трёх километрах к западу от дороги. Когда вы шли, был ветер?“ — „Да, сильный восточный ветер“.— „Ну, вот...— Доктор засмеялся.— Туземец узнал о вас по запаху табака. Он прибежал и говорит: ‘В лесу пахнет табаком, такой сильный табак курят только моряки, запах идёт от Кенгуровой Ямы на полдороге, должно быть, к тебе приехал белый человек’. Вот и всё. Просто? Вот это нюх!”»

Действительно, лет за шесть до Бунтов красного флага Зузенко провел несколько дней у Ильиных, и говорили они о самом важном — о судьбах России и народе. Зузенко, бывший моряк, ставший в Австралии рубщиком сахарного тростника, был в то время анархистом, но это не помешало найти им общий язык. После этой встречи он прислал Николаю письмо, в котором назвал его своим «духовным отцом». В 1918 году он стал одним из лидеров русской общины Австралии, и именно тогда, после первого критического выступления Николая на страницах «Кэрнс пост» в октябре 1918 года, произошло его размежевание с «контрреволюционером Ильиным». Этот разрыв стал даже одним из сюжетов пьесы-фарса «О том, как мы учимся самоуправлению и контролю», написанной другим лидером россиян Германом Быковым (выступавшим под псевдонимом Резанов) для постановки в Союзе российских рабочих на Рождество 1918 года. Зузенко в ней выведен этаким бесшабашным ниспровергателем старого мира под именем «Рвипаруса». Однако в реальном мире звучали реальные угрозы. Плотник Джордж Токарев из Кэрнса с негодованием писал тому же Зузенко, что он готов был «выпороть» Ильина, «эту грязную собаку, написавшую такую возмутительную дрянь»[16]. Да, именно таков был лексикон русских радикалов того времени!

В марше протеста 23-го марта 1919 г. Зузенко и Быков шли рядом, и именно они подняли над колонной запрещённые красные флаги, что спровоцировало погромы и репрессии против россиян. Оба они были арестованы и впоследствии высланы из Австралии; вслед за Зузенко выслали из страны и его беременную жену. Николай Ильин резко осудил эту демонстрацию и писал Быкову, что он не испытывает сочувствия к арестованным,

Александр Зузенко с семьёй после возвращения в Россию ***(из архива Ксении Зузенко)***

участвовавшим в этой экстремистской акции, поскольку «люди, которые разрушают не созидая, никогда не будут близкими мне по духу». Он даже оправдывал репрессии австралийских властей:

«Здесь перед нами полдюжина большевиков, бросивших открытый вызов закону. Если бы они смогли безнаказанно вести себя так и дальше, у них вскоре нашлись бы многочисленные последователи, и, установив свою власть в Австралии и истребив всех несогласных с ними, они стали бы сводить счёты друг с другом»[17].

Пророчества Николая оказались недалеки от истины. Зузенко, добравшийся после высылки в Россию, попытался разжечь мировую революцию, и даже ещё раз с этой целью побывал в Австралии. В 1938 году он был арестован и расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. Там же, где-то рядом с ним, лежит и мой дед, писатель Артем Весёлый. Оба они прозрели задолго до конца. И, как знать, не вспомнил ли Зузенко антибольшевистские пророчества «Льва Толстого» из джунглей на плато Атертон, сидя в камере Лефортовской тюрьмы?..

... Но мне хочется вспомнить о другом. В 2007 году, лет девяносто пять спустя после первой встречи Зузенко и Ильина, мы принимали у нас дома Кевина Уиндла, австралийского биографа Зузенко, и Ксению Александровну Зузенко, которая впервые приехала в Австралию по стопам своего отца и рассказывала нам историю с табаком и аборигенами — ту самую, что описана у Паустовского и которую она слышала от отца. И тут, на огонёк к нам зашёл Эрни Хулихэн, правнук Николая Ильина, как раз гостивший в Канберре. Мы долго сидели за столом во дворе, пили чай и разговаривали о прошлом. Незаметно подкрались сумерки, затихли крики мэгпаек и пересвист розелл, и на небе зажглись первые звёзды. И грустно было, что наш «век-волкодав» позволил Ксении, депортированной из этой страны

[16] Papers relating to miscellaneous events involving use of a red flag, NAA (Qld): BP4/1, 66/4/2165, p.360; Дж. Токарев — А. Зузенко, NAA: A6286, 1/76 (QF2277)

[17] Н. Ильин — А. Резанову, NAA, A6286, 1/126 (QF3859)

Эрни Хулихэн, правнук Николая Ильина, Елена Говор, Ксения Зузенко и Кевин Уиндл, 2007 г., Канберра

в утробе её матери, только сейчас побывать на своей «родине», и что темнокожий Эрни, всю жизнь считавший себя русским, так и не смог ступить на землю родины его предков. Когда мы спохватились сделать фотографии, уже совсем стемнело, но мне этот снимок дорог памятью о том далёком тёплом вечере, соединившем разорванные нити.

Ильины уже не смотрели на свою страну через розовые очки. Когда Леандро прочитал в местной газете, что земельное управление предложило два земельных участка в Гадгарре для фронтовиков, вернувшихся с войны, он был удивлён. Живя в этих местах, он прекрасно знал, что с 1910 года эти участки уже несколько раз фермеры брали и бросали, поскольку они были непригодны для освоения. В письме в газету он не скрывал своего возмущения:

«Не заслуживают ли люди, которые сражались за нас, лучшей награды, чем остатки от выбранных другими участков? [...] Наверняка глава земельного управления не подозревает, какую дрянь он предлагает солдатам. Но здравый смысл должен был бы подсказать ему, что если участок в таком районе как Пирамон, всего в пяти милях от железной дороги, был на рынке с 1910 года и всё ещё не взят, то значит с ним что-то не в порядке» [18].

Он всё ещё верил в честных начальников на самом верху, но и этой вере скоро предстояло поблекнуть.

Ильины постепенно начали понимать, что Австралия отнюдь не была раем для рабочих, как об этом когда-то писал Николай. Девять лет тяжёлого труда на земле не принесли им благосостояния; им едва удавалось сводить концы с концами, выплачивая долги банку. Ромелио всегда говорил, что девять лет его жизни в Австралии были потрачены впустую. Они все чувствовали, что надо что-то менять, и решение пришло — вернуться в Латинскую Америку. Для такого решения были практические соображения: за деньги, вырученные от продажи своих ферм, они могли купить в Америке большое ранчо и поправить свои финансовые дела. Но были и другие причины. За девять лет Австралия не стала домом ни для Ромелио, ни для Ариадны, их дом был на земле их юности — в Латинской Америке. А у Ромелио была и ещё одна причина. Он долго пытался покорить сердце юной Ольги Гадаловой с соседней фермы, но когда он пришёл к её отчиму просить её руки, тот поднял его на смех, сказав, что ему не нужны кривоногие внуки, намекая на форму ног Ромелио, который с детства скакал на лошадях на их ферме в Корковадо в Патагонии [19]. Это стало для Ромелио последней каплей, ведь жениться на аборигенке и оказаться в положении Леандро он не хотел — он видел, как Леандро переживал за судьбу своих детей, которые в Австралии всегда будут гражданами второго сорта, несмотря на все демократические лозунги.

Но главная причина отъезда была связана с Николаем. Мысли о России жгли его. Он больше не мог играть в прятки с самим собой — размежевания с большевиками, о котором он писал в «Кэрнс пост», было мало для искупления ошибок его поколения; ведь это их благородные идеи вскормили новых правителей России, которые маскировали свою жажду власти святыми словами «мир, свобода и равенство». Он был бессилен изменить положение дел в России, но он мог помочь жертвам этого переворота, бежавшим из страны, которую охватила гражданская война. Русская колония, новая русская свободная колония, где-то вдали от России, будет таким спасением. Что ж, у них не получилось создать такую колонию в Австралии, но, в конце концов, Австралия с её нынешней ксенофобией по отношению к русским и не подходит для такого проекта. Земля, бескрайняя девственная земля ждёт их в Латинской Америке. Сто, нет — тысяча, даже десять тысяч семей беженцев от русской революции смогут найти там приют, а он, с его знанием языков и местных условий, станет организатором этого переселения. Он знал, что затевает не простое предприятие, но ведь ему было не занимать нравственного максимализма, которым всегда отличались его решения. ■

(Продолжение следует)

[18] L. Illin, «Correspondence. Land for Soldiers», *Cairns Post*, 15.10.1918.

[19] Mackay, «Memoirs», p. 3–4, *архив автора.*